

ФИТОНИМЫ С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОТИВИРОВАННОСТЬЮ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Определены типы метафорической мотивации, наблюдаемые при образовании фитонимов, выявлены особенности метафорической мотивации фитонимов в русском и китайском языках.

Metaphorical motivation of Russian and Chinese names of plants has been analysed. The types of the metaphorical motivation observed in the process of the formation of these names have been defined. Peculiarities of Russian and Chinese names of plants have been outlined.

Сопоставительное изучение названий растений в русском и китайском языках до настоящего времени не проводилось. Актуальность данной работы обусловлена тем, что сопоставительные исследования типологически далеких языков представляют важное направление в современном языкознании. Они необходимы для выявления национально-культурных особенностей русского и китайского языков, поскольку в номинации природных объектов ярко проявляются специфические черты национального менталитета.

В русской терминологии главенствующую роль играет мотивированный тип номинации. Мотивированные термины, по данным В.П. Даниленко, составляют большую часть русской терминологии (см. Даниленко 1981, 63–64). Мотивированность терминов – один из важных факторов сохранения самобытного национального характера терминологии любого языка. Мотивационный аспект номинации флоры затрагивался уже в самых ранних работах, посвященных народной ботанической лексике. Так, в «Ботаническом словаре» Н.И. Анненкова встречаются комментарии причин возникновения того или иного фитонима (см. Анненков 1878). Семантическая мотивированность русских народных названий растений была проанализирована В.А. Меркуловой в монографии «Очерки по русской народной номенклатуре растений» (см. Меркулова 1967). Автор подчеркивает роль признака растения в объяснении того обстоятельства, что один и тот же фитоним может иметь разные денотаты, а единство семантических моделей, использующих один признак на разном лексическом материале, прослеживается также в процессе создания калек при языковых контактах. Работа М. Шпис-Чулум посвящена структурно-семантическим и мотивационным связям фитонимов в сербском языке. В своей классификации автор делит фитонимы на два класса – названия, мотивированные прямо, по реальным признакам растений, и названия, которые «основаны на признаках, образованных сравнением растений или частей растений с другими реалиями или явлениями» (Шпис-Чулум 1995, 397).

Фитонимы китайского языка относятся к малоизученным классам терминологии. В китайском языкознании существует немного работ, посвященных исследованию фитонимов, изучением которых занимались такие исследователи, как Гао Миньцзянь (см. 高明乾 2005), Ся Вэйин (см. 夏玮瑛 1990), Ли

Шичжэнь (см. 李时珍 1999) и др. Гао Миньцзянь, например, рассматривает все наименования растений из произведений классической литературы («Лисао», «Скорбь отверженного» и «Вопросы к небу»). Монография Ся Вэйина «Очерки по китайской номенклатуре растений» является одной из самых важных работ, посвященных фитонимам. По мнению автора, фитонимы отражают особенности восприятия растений нашими предками, а определение мотивации фитонимов требует не только собственно лингвистического анализа, но и привлечения данных биологии, фармакологии и агрономии. В монографии «Основные положения фармакологии» Ли Шичжэнь не только описал целебное действие 1892 видов растений, но и охарактеризовал мотивацию их названий. Этот труд одновременно явился также серьезным вкладом в изучение и классификацию растений, произрастающих в Китае.

Наше исследование базируется на анализе одноконпонентных названий растений (935 русских и 663 китайских фитонима). Источником языкового материала послужили русские и китайские словари и справочники (см. Станков, Талиев 1949; Губанов 1993; 朱家冉1983; 马其云 2003).

Роль метафоры в образовании русских и китайских названий растений привлекла интерес по следующим причинам. Уже в античной науке сформировался получивший развитие в XX в. взгляд на метафору как неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных и, следовательно, познавательных целей (см. Скляревская 1993, 6). Метафора «дает нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения в другой области. Именно таким образом осуществляется распространение знания от одной научной парадигмы к другой» (Минский 1998, 281). Метафора занимает важное место в образовании названий растений. Открытие нового, неизвестного растения неизбежно сопровождается актом номинации. Ресурсом для выбора названия служит существующий лексикон – потенциальный источник метафоры как в сфере абстрактной терминологии, так и в сфере научной номенклатуры.

Метафорический перенос имеет место при образовании 424 русских фитонимов. В остальных случаях внутренняя форма названий расте-

ний отражает прямое значение мотивирующих слов (181 единица, что составляет 19,36 % всех названий). 330 русских фитонимов являются результатом заимствования в основном из латинского языка. Анализ китайского языкового материала выявил несколько иное процентное соотношение: метафорическая мотивированность имеет место при образовании 287 из 667 единиц однокомпонентных названий растений (43 %), прямая – 343 единиц (51,4 %), заимствования представлены 37 единицами (5,6 %).

Анализ фитонимов, образованных в результате метафорического переноса, позволил выделить 4 типа мотивации: 1) соматический (по внешнему виду, строению); 2) этологический (по способу произрастания и особенностям жизнедеятельности); 3) функциональный (по применению растений при лечебном или хозяйственно-бытовом назначении); 4) темпоральный (по времени произрастания). Рассмотрим подробнее каждый из указанных типов мотивации.

1. Соматическая мотивация

По нашим подсчетам, 92,6 % русских фитонимов (392 из 424) обнаруживают соматическую мотивацию. В китайских фитонимах это составляет 83,6 % (240 из 287). Соматическая мотивация конкретизируется как мотивация по окраске и форме всего растения или его частей.

1.1. Окраска. В основе многих фитонимов лежит характеристика по цвету, основанная на установлении сходства. Так, растение с черными плодами, напоминающее ворону, называется *воронец*. Растение *солнцецвет* названо по желтой окраске цветов, похожих на солнце. Растение *горюцвет* получило свое название по внешнему виду – цветку бархатисто-малиново-красных лепестков, напоминающих горящий огонь. Растение *селитрянга* названо по цвету плодов, черноватосизых, похожих на селитру. Аналогичную семантическую мотивированность имеют китайские названия: 火棘 (рус. *пираканта*) – буквально «огневой колюч» (по окраске цветов, красных, похожих на огонь); 水晶兰 (рус. *вертляница*) – буквально «орхидея из хрусталя» (окраской цветов растение напоминает хрусталь); 琉璃草 (рус. *чернокорень*) – буквально «глазурь-трава» (все растение ярко-зеленое, с почти голыми, блестящими листьями, поверхность которых похожа на глазурь).

1.2. Форма. В официальной системе номенклатурных терминов широко представлены названия, характеризующие форму растения или его отдельных частей. Наши исследования показывают, что этот способ номинации является одним

из самых продуктивных как в русском, так и в китайском языках.

1.2.1. По форме листьев. Растение, имеющее яйцевидные, округло-яйцевидные листья, напоминающие монету, называется *копеечник*. Растение с яйцевидно-ланцетными листьями имеет название *сердечник*. Ср. в китайском языке: 驴蹄草 (рус. *калужница*) – буквально «трава – копыта осла» (в названии отражена характеристика листьев, лопатчато-ромбических, похожих на копыто осла); 猪毛菜 (рус. *солянка*) – буквально «овощ со свиной щетиной» (растение получило название по форме листьев, булавовидных, похожих на свиную щетину).

1.2.2. По форме цветов. Растение из семейства зонтичных с цветами в малолучевых (4–5) зонтиках имеет название *болотозонтичник*. Растение из семейства гвоздичных, имеющее цветы с крупными чашечками, как с многочисленными головками, называется *тысячеголов*. Ср. в китайском языке: растение из семейства оногровых 露珠草 (рус. *цирцея*) – буквально «трава-роса» – получило название по форме цветов, маленьких, белых или бледно-розовых, похожих на капли росы; 凤仙花 (рус. *недотрога*) – буквально «цветы феникс» (растение имеет название по форме цветов, вызывающих ассоциации с птицей феникс).

1.2.3. По форме плодов. Растение *грудника* из семейства мальвовых названо по форме плодов, которые состоят из сросшихся кольцеобразно 13–16 плодиков-семянков, образующих грудку. Растение с плодами в форме кувшина имеет название *кувшинка*. Ср. в Китайском языке: 刺果藜 (рус. *эхинопсилон*) – буквально «маревые плоды с шилами» (растение названо по форме плодов, имеющих шиловидные придатки).

2. Этологическая мотивация

По нашим подсчетам, 5 % русских фитонимов (21 терминологическая единица из 424) получили названия на основе этологической мотивации. В китайской фитонимии таких названий больше – 8,7 % (25 единиц из 287).

Растение, зрелые плоды которого раскрываются при малейшем прикосновении к ним, имеет название *недотрога*. Растение *переступень* имеет сложную мотивацию, связанную и с его свойствами, и с особенностями его использования (при употреблении в малых дозах оно оказывает лечебное действие, но, если меру «переступить», может стать ядовитым). Растение, ягоды которого ядовиты, уподобляется волку и называется *волчегод*. Ср. в китайском языке: 大戟 (рус. *молочай*) – буквально «древнее китайское оружие» (название этого ядовитого растения отражает его уподобление оружию); 女贞 (рус. *бирючина*) – буквально «целомудренная женщина» (растение получило название по характеру листьев, которые остаются вечнозеле-

* При выделении указанных типов мы опирались на работу Д.С. Сетарова, в которой автор распределил мотивации русских названий животных по пяти типам: соматический, этологический, топонимический, ономатопоэтический и оценочный. Учитывая характерные для названий растений особенности, мы использовали три типа, выделенных исследователем, и добавили функциональный тип мотивации.

ными, подобно тому как целомудренная женщина сохраняет свою чистоту).

3. Функциональная мотивация

Нами отмечено 7 русских фитонимов, получивших название на основе функциональной мотивации (из 424 метафорически мотивированных единиц, что составляет 1,7 %). В китайской фитонимии таких названий больше 5,7 %. Фитонимы данного типа мы разделяем на две группы.

3.1. Названия, указывающие на применение растений при лечении различных болезней. Растение *кровохлебка* получило название по назначению своей надземной части: ее применяют как кровоостанавливающее средство при дизентерии и язвенном колите. В названии растения *девясил* отразилась магия числа девять: согласно представлениям народной медицины растение излечивает от девяти недугов. Ср. в китайском языке: 黄耆 (рус. *астрагал*) – буквально «желтый вождь» (это лекарственное растение – одно из самых полезных для человека, своеобразный «лидер» лекарственных растений, подобно вождю); 沙参 (рус. *бубенчики*) – буквально «женьшень в песке» (по лечебному воздействию растение похоже на женьшень).

3.2. Названия, указывающие на применение растений в хозяйственно-бытовых целях. Растение *клоповник* применяется при уничтожении клопов. Ср. в китайском языке: 蚊子草 (рус. *лабанник*) – буквально «трава от комара» (растение при соответствующем использовании способно отпугивать комара).

4. Темпоральная мотивация

Немногочисленные названия растений имеют мотивационный признак «время», конкретизирующий как время цветения или появления ягод. По нашим подсчетам, из 424 русских фитонимов с метафорической мотивацией только 3 образованы на основе темпорального признака (0,7 % общего числа названий), из 287 китайских фитонимов 4 образованы на основе темпоральной мотивации (2 %).

Так, например, растение *зимолюбка* получило название по времени произрастания. Ср. в китайском языке: 报春花 (рус. *первоцвет*) – буквально «цветы, сообщающие о наступлении весны»; 杜鹃 (рус. *рододендрон*) – буквально «кукушка» (растение расцветает тогда, когда кукушка кукует первый раз).

Таким образом, изучение метафорической мотивированности названий растений выявило следующие особенности образования фитонимов в русском и китайском языках:

1. Самым частотным типом мотивации и в русском, и в китайском языках является соматический (соответственно 92,6 и 83,6 % всех метафорически мотивированных единиц). Самый низкий процент фитонимических номинаций в обоих языках составляют единицы с темпоральным ти-

пом мотивации (соответственно 0,7 и 2 %). Сходство внутренней формы русских и китайских фитонимов свидетельствует о том, что даже в типологически далеких языках наблюдается общность когнитивных процессов, лежащих в основе номинации.

2. Различия в мотивах номинации растений в русском и китайском языках наблюдаются, в частности, на примере фитонимов с функциональным типом мотивации: в китайском языке – 5,7 %; в русском языке соответствующий показатель ниже – 1,7 %. Это объясняется тем, что функциональный тип мотивации характерен прежде всего для лекарственных растений, которые, как известно, играют важную роль в китайской традиционной медицине.

3. Сопоставительный анализ русской и китайской фитонимии показал также, что в китайском языке метафорический перенос из области названий животных и их органов в область названий растений занимает большее место, чем в русском (соответственно 11,8 и 4,24 %). В древности китайцы предпочитали давать вновь обнаруживаемым растениям названия известных животных для более легкого запоминания. Так, наиболее часто в образовании фитонимов при соматическом типе метафорической мотивации использовались названия животных *мышь, козел, конь, заяц, бык*: 老鼠爪 (рус. *каперцы*) – буквально «лапа мыши» (растение с прямым корнем и распростертыми многочисленными стеблями напоминает лапу мыши); 马齿苋 (рус. *портулак*) – буквально «щирицевые (название семейства) зубы коня» (растение с обратно-овальными лопатчатыми листьями, похожими на зубы коня).

4. Принципиально важным отличием фитонимических систем сравниваемых языков является соотношение в них исконных и заимствованных единиц. Так, 35,2 % русских фитонимов (330 из 935 исследованных нами) составляют заимствованные в основном из латинского языка. В китайском языке этот показатель значительно ниже – 5,6 % (37 из 663). Это одно из проявлений свойств китайской лексики вообще: заимствования в ней составляют 6,6 %, что обусловлено особенностями традиционной китайской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков Н. И. Ботанический словарь. М., 1878.
 Губанов И. А. Лекарственные растения: Справ. М., 1993.
 Даниленко В. П. Терминология и культура речи. М., 1981. С. 63–64.
 Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
 Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. С. 6.
 Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1998. С. 281.
 Станков С. С., Талиев В. И. Определитель высших растений европейской части СССР. М., 1949.
 Шпис-Чулум. Фитонимия югозападне Бачке (коровска флора). СДЗб., 1995. XLI. С. 397–490.
 高明乾. 植物古汉语名考. 青岛, 2006 (Гао Миньцянь. Исследование древних названий растений. Циндао, 2006).

李时珍. 本草纲目. 北京, 1999 (Ли Шичжэнь. Основные положения фармакологии. Пекин, 1999).

夏玮瑛. 植物名释札记. 北京, 1990 (Ся Вэйин. Очерки по китайской номенклатуре растений. Пекин, 1990).

朱家冉. 拉汉英种子植物名称. 北京, 1983 (Чжу Цзя Жань. Названия семейных растений на латинском, китайском и английском языках. Пекин, 1983).

马其云. 中国种子植物名称总汇. 青岛, 2003 (Ма Циюнь. Названия семейных растений в Китае. Циндао, 2003).

Поступила в редакцию 27.10.07.

Ян Жуй – аспирант кафедры русского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И.Э. Ратникова.